

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяля віе

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяля віе

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Падшая женщина

Домик на юге

Осторожно - дети! Инструкция по применению

Собирайся, мы уезжаем

Соня и Александра

Плюс один стул

Чужой ребенок

Счастливая семья

Терпкий вкус тутовника

Руками не трогать

Истории моей мамы

Наша девочка

Шушана, Жужуна и другие родственники

Вторая жизнь

Продается дом с дедушкой

Москва
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии *Сергея Груздева*

Иллюстрация на переплете *Марины Дорошенко*

Трауб, Маша.

Т 65 Продается дом с бабушкой / Маша Трауб. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-92945-0

Какова цена успеха? Сколько стоит предательство? Как
нужно было прожить жизнь, чтобы в конце ее собственные
дети продали тебя вместе с домом? В этом романе нет по-
ложительных или отрицательных персонажей. Здесь все,
как в жизни.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92945-0

© Трауб М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*И*горь Михайлович Петров был детским писателем. Совсем недавно он начал представляться именно так — детский писатель.

Игорь Михайлович подолгу сидел на лавочке в парке, обязав себя к ежедневному моциону, кормил голубей и думал, что нужно было бы это сделать раньше. Конечно, раньше. Признать себя. Вот его сейчас часто спрашивают: если вернуться на двадцать–тридцать лет назад, вы бы хотели что-то изменить? Игорь Михайлович, изобразив на лице лукавый мудрый прищур, всегда отвечал: нет, ничего. Я прожил счастливую жизнь. Я счастлив быть детским писателем. У меня прекрасная семья. Внуки читают мои рассказы. Разве это не счастье?

Да, в последнее время про него вспомнили — приезжала даже корреспондентка, молоденькая совсем, из какого-то популярного журнала. Он не запомнил название. С памятью у него плохо стало. Дальняя вроде сохранилась, а ближняя...

Маша Трауб

Журналистка была некрасивой, с короткой стрижкой, рваной челкой и выбритой половиной головы. Наглая, уверенная. В его время так себя не вели. Но он был с ней вежлив, называл «деточкой». Да, он сказал, что сделал бы все точно так же, ни дня бы не изменил в собственном прошлом.

Вранье все это! Конечно, изменил бы. Всю жизнь переписал бы, окажись такая возможность. Да что за жизнь-то была? Растереть да выбросить! Не жалко. Все пустить под нож и написать заново. Дерьмо, а не жизнь. Сейчас вот ничего. Его хотя бы уважают. Вспомнили, чуть ли не самым известным детским писателем называют. После смерти вообще к классикам причислят. А зачем ему это сейчас? Ему тридцать лет назад надо было. Или стоило смириться и «пахать эту борозду», не рыпаться, не пытаться выпрыгнуть из штанов. Вот он всю жизнь пытался, а толку-то. Как-то все бестолково сложилось.

Нет, журналисточке он все рассказал как надо — про жену-виолончелистку, про двух сыновей, про внуков. Про то, как он теперь внукам сказки на ночь сочиняет. Только нет, не записывает. Баловство все это — внуков развлечь. Да, а раньше сыновьям на ночь читал. И сочинял. Да, и с женой всю жизнь, бок о бок. Такая любовь, что на всю жизнь протянулась. Это счастье, деточка! Жена его всегда понимала, чувствовала. Конечно, ведь она музыкант, виолончелистка. Им было легко вместе. Творческие люди. Да, в любви и согласии всю жизнь. Нет, де-

Продается дом с дедушкой

точка, это не миф, не сказка, так бывает, уж поверьте. Нет, жена сейчас на даче — у нее рассада помидоров не принялась, новую поехала сажать. Очень она дачу любит. Там и яблони — еще мать сажала, а жена сохранила сад.

— А вы никогда не хотели стать взрослым писателем? Вырасти, так сказать, из детских штанишек? — дерзко спросила журналисточка.

— А почему вы не записываете? — вдруг насторожился Игорь Михайлович.

— Записываю. На телефон. Вот.

— Ну да, да, конечно. Мы же раньше от руки все. В блокнот. Потом машинисткам надиктовывали. Вот так. У меня была замечательная машинистка, Люся. Так текст чувствовала... Лучше всякого редактора. Таких машинисток сейчас поискать. Или больше нет такой профессии?

— Она ваши рассказы печатала? С ней можно связаться? — журналисточка встrepенулась.

— Нет, нет, не она печатала. Другая. Не знаю, давно это было. — Игорь Михайлович задумался.

— А, ну ладно. Так у вас ведь были повести для взрослых? — корреспондентка наседала, Игорю Михайловичу стало неловко — какая все-таки неприятная девица: торопливая, настырная... Вцепилась и не отстает! Заладила: «Для взрослых, для взрослых».

— Да, я писал роман, — ответил он, стараясь выглядеть мудрым и терпеливым. — До этого две повести вышли. Они имели успех. Вы же, наверное, не

Маша Трауб

знаете, но тогда публикации в журналах... э... литературных журналах... были очень значимы. Так что я доволен — повести были опубликованы, критики о них хорошо отзывались. Вот так... Я ведь ваш коллега, если рассудить. Начинал как журналист. Да-да, не удивляйтесь. Работал в газете. Писал про передовиков производства. Очень интересный был период. Я был молод... В наше время требования к корреспондентам предъявлялись очень серьезные — нужно было уметь писать, вот так-то...

— Ну да, конечно, — без особого интереса сказала корреспондентка. — А вы ожидали такого успеха, когда писали свою главную детскую книгу?

— Нет. Я не думал об успехе. Настоящий писатель не думает об успехе. Он просто пишет. Потому что должен, не может не писать, — заученно отрапортовал Игорь Михайлович.

Журналисточка ушла, не слишком довольная, как показалось Игорю Михайловичу. Он вдруг стал нервничать: «А что дальше? Она пришлет ему интервью на согласование? Или сейчас так не делается? А если перевернет его слова? Да нет же, записывала... А как узнать, когда интервью выйдет? Позвонит, наверное. Странно, что фотографа не было. Как же без фотографа?»

Детский писатель налил себе водочки — пятьдесят граммов с разрешения врача — и задумался. Внезапно нахлынувшая поздняя популярность его удивила

Продается дом с дедушкой

●

и даже расстроила. Он уже давно перестал трепыхаться. Лет до пятидесяти еще брыкался, выкатывал грудь колесом, иногда ощущал себя на тридцать два. Да что там «иногда»? Не верил Игорь Михайлович в старение: в чужое верил, в свое — нет. Он-то еще тот, прежний. И мысли прежние. Да и внешне не сильно изменился. Ему бы еще признания... Все ведь ждал, надеялся... Вот-вот, еще чуть-чуть — и нагрывает, нахлынет известность.

А потом Игорь Михайлович затих. Писал иногда в стол, скорее для вида, чтобы жена не тащила на дачу — деревья стричь да траву косить. И ведь никто, даже жена, его так и не понял. Не понял того, что он ненавидел те рассказы, тот тощий сборничек, который вдруг принес ему короткую, как молния, стремительную и быстро прошедшую популярность тогда, в молодости, и вот сейчас вроде бы как вернул к жизни. Тогда ведь он даже насладиться не успел — какие там лавры? Так, тщеславию будто кинули подачку. И все. Та же корреспондентка, позвонив с просьбой об интервью, с наивным детским восторгом воскликнула: «А вы живы? Я думала, вы давно умерли!»

Да, он давно умер. Для себя, во всяком случае. Так и не смог переплюнуть себя того, молодого. Не смог сделать что-то большее, оставшись в литературе автором тощего сборничка для детей. Ему хотелось прокричать, что он — не детский писатель! Детей он не понимает, не любит, а иногда даже ненавидит. Это

Маша Трауб

ведь нормальное чувство. Если ребенок вопит, как резаный, катается по полу — его что, любить надо? Да, собственные сыновья вызывали у Игоря Михайловича головную боль, брезгливость и желание уйти из дома — не видеть и не слышать. Женщины — да, по-другому устроены. А что от мужчины требовать? Не может мужчина любить красный сморщенный комок с непропорционально большими гениталиями. Ужас — да, может испытывать. Ну, говорят ему: сын. И что? Умереть теперь от такого счастья? Ну, сын. Да показали бы другого младенца и сказали: вот сын. И какая разница? Никакой. Дети все одинаковые. Все эти причитания — ой, нос от тебя, глаза от меня, уши от бабки — это все для литературы годится, а не для жизни. А то, что он написал рассказы про старшего сына, так и что? Была бы под боком собака, он бы и про собаку написал. Никакой он не детский. Был бы детским, написал бы еще — стихи или продолжение историй про мальчика Гарика. Или не рассказы, а повесть. Но ведь больше ничего, ни строчки даже из пальца не высосал. Разве они не понимают? Он взрослый писатель, серьезный. У него был роман, неоконченный, правда, но ведь был же! То, что не дописал, — не его вина, так обстоятельства сложились. А если бы дописал — выдающийся был бы текст! И та, вышедшая в журнале повесть — тут он приукрасил, наврал корреспондентке — вышла всего одна, после которой его разнесли в пух и прах, живого места не оставили. Прилюдно, на публичном

Продается дом с дедушкой

●

обсуждении, советовали вернуться к детишкам и не замахиваться на большее. Да, прямо в лицо, не стесняясь говорили: «Довольствуйся тем, что есть». Если бы не случай, и рассказиков бы не было.

А рассказы эти самые — нелепые, простоватые, написанные на коленке — тем временем потихоньку переиздавались. И так уж вышло, что на них выросло несколько поколений детей. И клеймо «детский» он так с себя и не смыл.

В этом году ему исполнилось шестьдесят, и он смирился, признавая, что у других-то и таких достижений нет, а у него есть хоть какие-то вес, имя. Где те злопыхатели, которые его критиковали? Нет их. Кто умер, кто исчез. А он есть. Жив, здоров, слава богу! Интервью вон раздает... Значит, переплюнул он всех. И, можно сказать, плонул в вечность. Этим самым тощим сборничком. Вот так вот, утритесь!

— Никто не знает, из какого сора... — в задумчивости повторял Игорь Михайлович, когда получал очередное предложение выступить в библиотеке, в книжном магазине, а то и в литературном кафе перед благодарными, но чересчур шумными и гиперактивными маленькими читателями и их нервными, заполошными мамами и бабушками.

Это было новшество последних лет. Его стали звать на выступления. Игорь Михайлович поначалу терялся, стеснялся, не знал, как себя вести: что от него ждут, что он должен говорить, что рассказывать? Он должен развлекать детишек или их мамаш?

Маша Трауб

Должен рассказывать о себе? Обычно он открывал свой сборник — авторский экземпляр — и читал один или два рассказа. Бубнил на одной ноте, но читателям нравилось — все-таки автор, который удивительным образом все еще жив, читает рассказ собственного сочинения.

Игорь Михайлович, откровенно говоря, ненавидел эти встречи. Непременно объявлялась какая-нибудь неумная бабуля, которая подходила и заявляла: «Я читала вас еще в детстве!» Он едва сдерживался, чтобы не указать даме на ее возраст. Да в каком, едрит твою налево, детстве? Да он моложе этой бабки лет на двадцать! Ну, а фразу от мамаш, причем сразу нескольких, скопившихся стайкой, которую произнесла та же журналисточка: «Ой, вы живы! Надо же! А я когда увидела объявление, даже не поверила!» — Игорь Михайлович слышал на каждом выступлении и приучил себя улыбаться. Даже шутил, если мамочка казалась ему симпатичной: «Можете потрогать, если не верите!» Мамаша заливалась смехом и осторожно дотрагивалась до его руки.

Да, многое изменилось. «Можно с вами сфотографироваться?» — спрашивали родительницы и норовили усадить к Игорю Михайловичу на колени брыкающегося ребенка, который не хотел фотографироваться с дядей-писателем. Игорь Михайлович тоже не хотел ни с кем фотографироваться, но покорно делал ребенку козу, удерживаясь от того, что-

Продается дом с дедушкой

бы ущипнуть его пребольно за попу, пока мамаша крутила телефоном то так, то эдак.

«А напишите, пожалуйста, что-нибудь или нарисуйте», — просили его мамочки, которых он относил к разряду «выпендрейниц», подсовывая книгу для автографа. И Игорь Михайлович послушно рисовал голову зайца или черепашку. Он даже дома тренировался на отдельном листочке, чтобы черепаха была похожа на черепаху, а не на собачью кашку с глазами.

Игорь Михайлович фотографировался, рисовал, писал длинные пожелания неведомым ему Никитушке, Данечке — расти большим и здоровым — и чувствовал себя выпотрошенным, измотанным. Он очень уставал от этих встреч. Не понимал, зачем они нужны. Но с другой стороны, ему нравилось подойти к стенду, выставленному на всеобщее обозрение на видном месте, и рассматривать афишу — свое имя на ней, свою фотографию тридцатилетней давности. Где только ее нашли? Или это и есть настоящая слава? Значит, он теперь знаменитость? Это то, о чем он всегда мечтал? Вот об этом? Выступать перед детьми, которые все как один казались ему как минимум невоспитанными, а говоря откровенно, дебилами.

Но настоящий удар Игорь Михайлович получил позже. Перед одним из выступлений девушка-организатор спросила у него, сколько это будет стоить. Каков его обычный гонорар за выступление? Тут

Маша Трауб

Игорь Михайлович почувствовал, что его ударили под дых. А он не успел не то что блок поставить, а даже прикрыться.

— Обычный, как у всех, — прохрипел он.

— Ну, у всех разный, — рассмеялась девушка.

— Тогда посчитайте средний, — сказал Игорь Михайлович. Прозвучало грубовато, даже немножко по-хамски. И он поспешно дал отбой, ткнув пальцем на все телефонные кнопки сразу.

Ему стало вдруг так обидно — как в молодости. И он опять почувствовал себя тридцатилетним неудачником. Стало до тошноты противно, скользко и мерзко. Ведь никто ни разу не сказал, даже не намекнул, что такие выступления оплачиваются. Какой же он идиот! Старый идиот! Сам не просил, и ведь никто и не предлагал. Считали дурачком, сумасшедшим стариком, который за толику внимания к своей персоне готов шкандыбать на другой конец города и терпеть тупые вопросы дебелых мамаш, молодящихся бабулек и сопливых, наглых детей, которым, чтобы они не вопили и сидели спокойно, надо запихнуть в рот шоколадку, чупа-чупс и выдать телефон или планшет, в который они с радостью устываются и будут тыкать своими липкими пальцами в экран.

То есть он, как дурак, распоследний дурак, ходил везде бесплатно, в то время когда мог попросить гонорар? Когда эти люди могли ему заплатить, но не платили? Ведь на детях не принято зарабатывать!

Продается дом с дедушкой

●

Ведь он же детский писатель, а потому не может быть меркантильным. Потому что дети — наше все, это святое. Можно зарабатывать на всем, кроме детей. К детям — бесплатно, ради их будущего, чтобы привить им любовь к чтению. Какой же он идиот!.. Сколько мог заработать! Сколько упущенных возможностей! Опять упущенных... А ведь кто-то не гнушается — берет, и совесть не мучает. Да наверняка все берут, только он прыгал от счастья, что про него вспомнили. Ему похлопали — он и рад, разве что хвостом не вилял, как дрессированная собачка. Чайку налили — он и счастлив. Коробку конфет в зубы сунули — он уж на седьмом небе. Детишки ему еще рисунки дарили, которые он выбрасывал сразу же в ближайшую урну. Да чтоб еще хоть раз, да бесплатно!.. Нет, теперь уж он будет умнее. Сейчас посмотрит, сколько ему заплатят, и будет просить не меньше, а то и больше. И если его действительно считают живым классиком, если он так уж нужен, как ему заливают в уши, то пусть платят. Вот так вот!

Пришлось пить валокордин. Игорь Михайлович никак не мог успокоиться, дышал часто и нервно. Ну как же он мог сам не догадаться? Как обидно!.. И жена бы замолчала наконец. Бросил бы ей на стол деньги...

Лариса его давно ни во что не ставила. И дети вслед за ней. Спасибо, что из дому не выгнали! Лариса его как мужа в асфальт закатала, катком тяжелым сверху прошлась и с удивлением смотрит, как